

7715, Г. Гаджеро прежде всего выделяет группу случаев, когда Прокопий не отклоняется от фукидидова словоупотребления (р. 223), — если проверить указанные контексты, то окажется, что все они без исключения взяты из речей персонажей, т. е. из наиболее подражательной части сочинений Прокопия. Таким образом, произведенный Г. Гаджеро лексический анализ, вполне удовлетворяя требованиям всеохватности, не учитывает стилистической (а также хронологической — в пределах творческого развития писателя) стратификации его лексики. Это перспективное направление еще ждет своего исследователя.

В настоящем обзоре⁷ мы не касались тех работ, где данные Прокопия используются в целях, не способствующих пояснению позиции писателя по тому или иному вопросу (например: *Mout-*

sos D. Latin casula and Balkan katsoûla // Zeitschrift für Balkanologie. 1983. Bd. 19. S. 48—65). Поневоле за пределами обзора остались недоступные нам статьи: Emmet A. Digressions in Procopius // Byzantine Studies in Australia. 1980. 6. P. 9—10; Henry M. An Episode in the Relations between Theodora and Antonina: the Marriage of Joannina // Ibid. 1982. 10. P. 5—6; Max G. Majorian's Intelligence Embassy // The Ancient World. 1980. Vol. 3. P. 61—63; Tosi R. Note a Procopio // Museum criticum. 1980—1982. Vol. 15—17. P. 203—204; Gagzero G. La fine dell' Impero Romano d'Occidente nell' interpretazione di Procopio // Studi in onore di A. Biscardi. Milano, 1984. Vol. V. P. 87—120.

С. А. Иванов

⁷ Обзор уже был сдан в печать, когда нам стала доступна монография: *Cameron Av. Procopius and the VI Century. Berkeley 1985*), а также: *Prokopios z Kaisareie. Válka s Peršamy a Vandaly; Válka s Góty. Pr., 1985. Vol. I—II. 379+438 s.*

Symposium on Byzantine medicine / Ed. J. Scarborough // DOP. 1984. Vol. 38. XVI+282 p.

Очередной том DOP содержит материалы первого симпозиума по византийской медицине, состоявшегося в 1983 г. В обобщающих трудах по истории медицины византийский период представляется, как правило, временем тысячелетнего застоя, породившего лишь многочисленные компиляции, созданные на основе трудов классической древности. Работы, должные симпозиуму, показательны в двух отношениях. Во-первых, пристальное внимание к византийским текстам позволило обнаружить исследователям постоянную активность мысли византийских медиков, что заставляет иначе оценить общее развитие медицины в Византии. Во-вторых, симпозиум вновь подтвердил ту истину, что история средневековой науки должна изучаться не только как история развития собственно научных идей, но рассматриваться в широком историческом и культурном контексте эпохи. Только тогда она оказывается способной воссоздать живую картину деятельности медиков, разобраться в их мировоззрении, выявить уровень образованности, установить социальное положение целителей и реально представить эволюцию медицинской теории и практики.

Открывается сборник исследованием В. Наттон, посвященным некоторым аспектам медицинской практики в поздней античности (*Nutton V. From Galen to Alexander: Aspects of Medicine and Medical Practice in Late Antiquity. P. 1—14*). В качестве основного направления медицины в этот период выделяется галенизм. С укреплением христианства распространяется идея чудесного исцеления, нашедшая яркое отражение в Новом завете и затем в житийной литературе. Однако большая часть населения еще дол-

гое время оставалась языческой и прибегала к привычным методам лечения. Источники сохранили сведения об обращении к теургии — языческому эквиваленту христианских чудес.

Особая проблема — изучение социального статуса «физиков» (как часто называли врачей). Автор отмечает характерное для данного периода растущее социальное расслоение среди людей этой профессии. Законодательные памятники свидетельствуют об усилении влияния придворных медиков, в то время как провинциальные «физики» тщетно пытаются удержать свои небольшие привилегии. В V—VI вв. многие врачи занимают выдающееся положение в обществе, участвуют в дипломатических переговорах, становятся епископами.

Эта тема разработана шире в докладе Б. Балдуина о роли врачей в ранневизантийской истории и политике (*Baldwin B. Beyond the House Call: Doctors in Early Byzantine History and Politics. P. 15—19*). Несомненно, врачи принадлежали к образованнейшим людям своего времени. Греческая медицина всегда была тесно связана с философией и риторикой, и лучший пример тому — труды Галена. Освещающая деятельность Орибасия, выдающегося медика, придворного врача Юлиана Отступника, Виндикана, проконсула Африки, Маркела из Бордо и других лекарей автор констатирует возросшую роль медиков в политической жизни ранней Византии.

Проблемы обучения и практики врачей рассмотрены в статье Дж. Даффи (*Duffy J. Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice. P. 21—27*). В ранневизантийский период на греческом Востоке существовали два пути овладения этой

профессией — посещение лекций и ученичество у практикующего врача. Особой славой пользовалась медицинская школа Александрии, хотя такое же образование можно было, вероятно, получить и в других центрах империи. Основой обучения были труды Гиппократов и Галена, изучавшиеся в традиционном комплексе: основные теоретические принципы черпались у Гиппократов, анатомия, физиология, этиология, терапия изучались по Галену. Процесс обучения обнаруживает влияние методов, заимствованных в области преподавания философии, а также элементы александрийской манеры экзегезы. Рассмотренные автором документы гораздо полнее, чем использовавшиеся ранее данные папирусов, представляют ранневизантийского медика и как преподавателя, и как учащегося, и как практикующего врача.

Обращаясь к памятникам литературы, не имеющей прямого отношения к медицине, А. Каждан анализирует социальный статус врачей в X—XII вв. (*Kazhdan A. The Image of the Medical Doctor in Byzantine Literature of the Tenth to Twelfth Centuries*. P. 43—51). В целом источники указывают на весьма низкий социальный статус медицинской профессии после VII в. До X в. византийские авторы редко упоминают о врачах. С этого времени ситуация начинает меняться: в агиографии обостряется оппозиция «светские врачи—святые целители», что свидетельствует об укреплении общественного положения врачей. К XII в. информация о медиках становится не только обильной, но и точной в определениях. Врачи выступают уже как равные в кругу образованной элиты.

В интерпретации теоретических проблем медицины не последнюю роль играли философские пристрастия. Р. Тодд выясняет эту зависимость, анализируя комментарий Филопона к сочинению Аристотеля «О душе» (*Todd R. B. Philosophy and Medicine in John Philoponus' Commentary on Aristotle's De Anima*. P. 103—110). Написанное в Александрии в начале VI в. произведение известного толкователя Аристотеля весьма интересно для историков античной и византийской медицины. Автор считает его лучшим образцом философского комментария, использующего идеи античной медицины. Неоплатоническое по своему философскому содержанию, сочинение Филопона органично сочетает галеновский материал с основами аристотелевского учения и в этом смысле не имеет аналогий в античной и византийской традициях толкования Аристотеля.

Мировоззренческие факторы часто определяли отношение к врачебной помощи и к методам лечения, особенно в кругу клириков. Этой проблеме посвящена работа С. Харви (*Harvey S. A. Physicians and Ascetics in John of Ephesus: An Expedient Alliance*. P. 87—93). Автор анализирует фрагмент из жития пресвитера Аарона, где говорится о заболевании гангреной и об излечении ее с помощью хирургического вмешательства врачей, специально приглашенных для

этой цели. Данный эпизод привлекает внимание исследователя не столько описанием заболевания, сколько манерой житийного повествования о нем и акцентами, расставленными агиографом, сирийским писателем-монофизитом Иоанном Эфесским. Сравнение с аналогичными сюжетами, почерпнутыми в житийной литературе, подчеркивает своеобразие рассказа Иоанна, лишенного обычного для этого жанра морализирования. Обращение к помощи врачей являлось, видимо, привычным для аскетов, принадлежавших к монофизитской среде. Их поведение в этой ситуации было обусловлено особенностями самого понимания физического и духовного начал, их соотношения в природе человека.

Средства, к которым прибегали для лечения, отнюдь не ограничивались предписанными врачами процедурами и лекарствами. Связи ранневизантийской медицины с магией и искусством исследует в своей работе Г. Викэн, обращаясь к материалу, связанному с паломничествами (*Vikan G. Art, Medicine, and Magic in Early Byzantium*. P. 65—86). Убеждение, что чудодейственная сила святых людей, предметов, мест способна передаваться посредством физических контактов, стимулировало огромные массы паломников к тому, чтобы отправляться к желанным символам святости. Г. Викэн рассматривает, в частности, случай исцеления у гробницы св. Симеона Нового. Его житие, в котором дается описание более 250 чудес, содержит богатый материал для сопоставления передаваемых там сведений с дошедшими до нас вещественными памятниками («знаками Симеона»). Сравнительный анализ письменных и материальных свидетельств позволил автору по-новому интерпретировать некоторые виды ранневизантийских амулетов и оценить их как специфически медицинские. Изученные им «орудия» магии являются памятниками прикладного искусства, но вместе с тем — это атрибуты византийской медицины, составляющие своеобразную «аптечку». Представления о целительной силе предметов христианского культа причудливым образом сочетались с элементами египетских и иудейских символов лечебной магии.

Работы, фигурировавшие на симпозиуме, насыщены интересными наблюдениями об этиологии и лечении некоторых заболеваний. М. Долс, обращаясь к психиатрии, сравнивает интерпретацию душевных заболеваний и заботу общества о соответствующих больных с одной стороны, в Византии, с другой — в исламском мире (*Dols M. Insanity in Byzantine and Islamic Medicine*. P. 135—148). И византийские и арабские медики в своих суждениях по этому вопросу опирались на гуморальную теорию Гиппократов, согласно которой причиной психических заболеваний считалось нарушение баланса гумора, особенно избыток черной желчи, якобы вызывающий меланхолию. Отношение к психическим заболеваниям и попечение больных во многом определялись спецификой со-

циального строя и религиозных воззрений. Примечательно, что в исламских больницах, практически не связанных с религиозной общиной, функционировали специальные отделения для душевнобольных. Для Византии же какие-либо свидетельства особого внимания к психическим больным почти отсутствуют.

Проанализировав информацию о заболевании бешенством, содержащуюся в работах ранневизантийских медиков, Ж. Теодоридес пишет о лечении этого заболевания (*Theodorides J. Rabies in Byzantine Medicine*. P. 149—158). На протяжении столетий существовало убеждение, что его причиной служит действие яда, попадающего в организм вследствие укуса бешеного животного. Поэтому своей главной целью врач считал предотвращение распространения яда. Среди процедур, использовавшихся для этого, центральное место занимали прижигание и скарификация раны. В дальнейшем лечении широко применялись пластыри, слабительные и мочегонные средства. Интерес византийских текстов, касающихся заболевания бешенством, преимущественно определяется богатством называемых там лекарственных средств, применявшихся для лечения.

Трахома и ее последствия находятся в центре внимания статьи Э. Сэведж-Смит (*Savage-Smith E. Hellenistic and Byzantine Ophthalmology: Trachoma and Sequelae*. P. 169—186). Этому заболеванию глаз отведено немало места в трудах византийских авторов. Борьба с трахомой в IV—VII вв. включала как медикаментозное лечение, так и хирургическое вмешательство. Позднее описание этого заболевания становится более лаконичным, а акцент в лечении переносится на лекарственную терапию. Хирургические методы совершенно выходят из употребления. Эволюция в методах лечения трахомы и ее осложнений показывает, что в этой области поздневизантийская медицина шла своими путями, превращая старую традицию.

Новый взгляд на развитие хирургии в Византии формулируется в работе Л. Бликке (*Bliquez L. J. Two Lists of Greek Surgical Instruments and the State of Surgery in Byzantine Times*. P. 187—204). Его внимание привлекли два списка хирургических инструментов IX и XI вв. Автор полагает, что они предназначались для комплектования соответствующего инструментария византийских больниц. Сопоставив эти списки с сохранившимися византийскими инструментами и данными письменных источников, Л. Бликке приходит к выводу о падении уровня хирургии в средневизантийский период. В приложении впервые в литературе дан каталог византийских хирургических инструментов.

Работа Дж. Стэннарда посвящена характеристике лекарственных средств, употреблявшихся византийскими медиками (*Stannard J. Aspects of Byzantine Materia Medica*. P. 205—211). Близка по проблематике статья Дж. Скарборо о развитии ранневизантийской фармакологии (*Scar-*

borough J. Early Byzantine Pharmacology. P. 213/232). Пристальное изучение византийских медицинских текстов и сравнение их с трудами поздней античности не позволяет считать, что византийские врачи довольствовались лишь повторением номенклатуры Диоскорида и его последователей. Фармакология в Византии постоянно развивалась и пополнялась новыми средствами.

Важнейшую роль в развитии медицины играли больницы. Этот институт, обязанный своим происхождением христианской благотворительности, возник в IV в. Его функции и особенности освещает Т. Миллер (*Miller T. S. Byzantine Hospitals*. P. 53—63). Учреждение больниц поддерживалось императорской властью и церковью, вкладами частных лиц. Поначалу больницы представляли собой приюты при церквях и монастырях (для беспомощных, больных и лишенных крова людей). В них не было профессионального штата врачей и оказывалась лишь элементарная медицинская помощь. Со временем характер таких приютов менялся, на первое место выступила врачебная помощь. Это распахнуло двери больниц для широких слоев населения. Со времени Юстиниана больницы стали центрами врачебной практики. Здесь проводили большую часть своей профессиональной деятельности лучшие врачи, в специальных аудиториях будущие медики постигали секреты своего ремесла.

Для истории медицины весьма важны исследования и публикации источников. Многие медицинские тексты существуют лишь в рукописях, другие изданы в XVIII—XIX вв. и не отвечают современным требованиям. Только незначительное число опубликованных сочинений может служить надежной опорой в исследованиях. Поэтому историки медицины сосредоточивают свое внимание на источниковедческих сюжетах. А. Холвег пишет о новом издании сочинения крупнейшего поздневизантийского медика Иоанна Актуария *De methodo medendi* (*Hohlweg A. John Actuarius' De methodo medendi — On the New Edition*. P. 121—133). Автор ведет речь не только о путях выявления лучшей традиции текста, но и пытается прочитать страницы жизни и проследить веки профессиональной деятельности Актуария, характеризует его важнейшие труды.

Текстологические исследования открывают порой и новые имена в истории византийской медицины. И. Зондеркам рассматривает три небольших сочинения — о терапии, диете и фармакологии, которые были созданы в период правления Константина Порфирородного (*Sonderkamp J. A. M. Theophanes Nonnus: Medicine in the Circle of Constantine Porphyrogenitus*. P. 29—41). Изучение рукописной традиции, структуры и особенностей стиля этих трактатов привело автора к заключению, что все они принадлежат перу Феофана Нонна. Примечателен и тот факт, что сочинения его свободны от исламского влияния. Видимо, до IX в. арабские медицинские тексты не были известны в Византии

Работа Р. Ренеган посвящена главе о глазах из сочинения Мелетия «Об устройстве человека» (*Renahan R. Meletius' Chapter on the Eye: An Unidentified Source. P. 159—168*). Подробно рассмотрено строение человеческого глаза в изображении Мелетия, автор заключает, что в трактате был использован несохранившийся источник, следы которого заметны и в других главах. Заимствованное византийским медиком учение о четырех оболочках человеческого глаза восходит, вероятно, к I в. Имя автора и время написания утерянного сочинения остаются неизвестными.

О византийских комментариях к знаменитому сочинению Диоскорида пишет Дж. Риддл (*Riddle J. M. Byzantine Commentaries on Dioscorides. P. 95—102*). Как показывает анализ схолий, комментарии эти тщательно обдуманы, некоторые из них обнаруживают зависимость от классических авторитетов, однако большая часть отражает собственные опыты, проработавшиеся комментаторами с лекарствами. Сравнение византийских комментариев с латинскими показывает более высокий профессиональный уровень византийских схолиастов. Характер комментариев говорит о том, что книга Диоскорида постоянно использовалась византийскими медиками.

Для истории византийской медицины представляют интерес также ветеринарные тексты. А. Дуайен-Игю исследует в своей работе памятник, известный под названием «Hippiatrica» (*Doye-v-Higut A.-M. The Hippiatrica and Byzantine Veterinary Medicine. P. 111—120*). Сочинения греческих авторов, занимавшихся ветеринарией, — время их активной деятельности приходится на III—IV вв. — не сохранились в своей оригинальной форме. Они вошли в позднейшую компиляцию — *Corpus hippiatricorum graecorum*, составленную, видимо, при Константине Порфирородном. Автор выделяет 4 редакции памятника, к которым прилегают 5 версий Эпитома. Последний особенно широко использовался в ветеринарной хирургии благодаря своей краткости и обилию практической информации. Это был *vademecum* византийской ветеринарной хирургии, и, как показывают многочисленные латинские и итальянские переводы, он получил широкое распространение в странах Европы.

О межкультурных связях в области медицины известно очень немного. В этом отношении важна работа Э. Либера о «Книге медицины» Асафа, где иудейские концепции соединяются с греческой (языческой), индийской и византийской традициями (*Lieber E. Asaf's Book of Medicines: A Hebrew Encycloped-*

dia of Greek and Jewish Medicine, Possibly Compiled in Byzantium on an Indian Model. P. 233—249).

Распространение византийских медицинских текстов в Европе в период раннего средневековья — тема статьи Г. Бадера (*Baader G. Early Medieval Latin Adaptation on Byzantine Medicine in Western Europe. P. 251—259*). Латинские переводы, выполненные преимущественно на севере Италии, включали главным образом два вида сочинений: комментарии к Гиппократу и Галену и краткие учебники. В переводной литературе не были представлены работы лучших византийских медиков. Это обстоятельство существенно, поскольку имело значение для манеры толкования классических медицинских трудов. Переводы, о которых идет речь, невелики и довольно низкого качества, которая всегда имела в греческом оригинале: они служили основой развития патофизиологии, хирургии, терапии в раннесредневековой Европе. Лишь в XI в. на юге Италии расцветает знаменитая Салернская школа. Выполненный здесь перевод трактата Немесия «О природе человека» впервые содержал научный, «технический» язык латинских медицинских текстов, выработанный к этому времени.

В целом материалы симпозиума в известной степени подводят итог состоянию исследований по истории византийской медицины. Здесь остается еще много проблем и нерешенных вопросов — основное исследование только начинается, и многие резюмированные нами вкратце работы являются первым шагом в этом направлении. Вместе с тем итоги исследований показывают, что развитие медицины в Византии подчинено было общим закономерностям развития общества и часто определялось его конкретными потребностями (так, расцвет ветеринарной медицины в III—VI вв. был связан с расширением соответствующих нужд конного войска, составившего основу реорганизованной армии; возрождение интереса к древним текстам и появление новых компиляций энциклопедического характера в период правления Константина Порфирородного связаны были с общей реформаторской деятельностью этого императора и т. д.). Привлечение участниками симпозиума многих источников, не имеющих прямого отношения к медицине, суждения по вопросам социальной и культурной истории, высказанные в исследованиях, — все это может представлять несомненный интерес для широкого круга исследователей.

С. Н. Гужова

O. Demus. *The Mosaics of San Marco in Venice. Part 1, Text vol.: XIV, 489 p.; 1 color, 75 b/w pl.; Plate vol.: XIV, 242 p.; 82 color, 377 b/w pl.; Part 2, Text vol.: X, 357 p.; 1 color, 51 b/w pl.; Plate vol.: XIX, 280 p.; 78 color, 354 b/w pl.; Chicago; L., 1984*

Капитальное исследование О. Демуса посвящено одному из самых обширных (6 тыс. кв. м), дошедших до наших дней комплексов средневековой живописи. Мо-

заики собора Сан-Марко выполнены в разное время художниками, принадлежащими к различным мастерским, примыкают к различным стилистическим на-